

Тихомирова Елена Евгеньевна

Кандидат культурологии, доцент, заведующий кафедрой теории, истории культуры и музеологии, Новосибирский государственный педагогический университет, imktikhomirova@mail.ru, ORCID 0000-0003-1656-521X, Новосибирск

СПЕЦИФИКА ИЗУЧЕНИЯ БИБЛЕЙСКИХ ПРИТЧ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Аннотация. В центре внимания автора статьи находится анализ специфических методик и техник выявления универсальных и уникальных культурных смыслов библейских притч в рамках изучения дисциплин гуманитарного цикла в педагогическом вузе.

Цель статьи – разработать приемы работы с притчами на практических занятиях культурологического цикла в педагогическом университете.

Методология и методы исследования. Работа основывается на использовании методологии социокультурного и деятельностного подходов к психологическому развитию личности, а также системного и целостного подходов в воспитании. При декодировании смыслов притч как текстов культуры предлагается использовать аксиологический, семиотический, когнитивный и системный подходы. Системный культурологический подход позволяет создать условия для развития эстетического вкуса, художественного мышления.

Результаты исследования. Как показывает научная литература и практика преподавания культурологических дисциплин в педагогическом университете, работа с притчами приучает лично и эмоционально воспринимать текст культуры, адекватно оценивать отношения в системе «человек – человек» и «человек – мир», перекодировать содержание с одной семиотической системы на другую. Посредством интерпретации текста развиваются индивидуальные творческие способности обучающихся, формируется устойчивый интерес к современным арт-практикам. Интерпретация категорий культуры, воплощенных в человеческих и природных образах трансцендентного, времени, пространства, дают возможность сущностно осмыслить тексты культуры, содержащие сюжеты библейских притч.

Заключение. Последовательное выявление специфики изучения притч в контексте духовных исканий определенного исторического периода способствует возникновению интереса и формирования уважительного отношения к культурному наследию, ценностям мировой культуры. Культурологические практики работы с текстами культуры способствуют адекватному пониманию места отечественной культуры в мировом художественном процессе и творческому его приумножению.

Ключевые слова: библейская притча, культура, культурология, педагогика, методика, текст культуры, смысл.

Введение, постановка проблемы. Современный период характеризуется развитием техники, ростом инновационных технологий во всех сферах жизнедеятельности человека – политике, экономике, промышленности, в жизни социума и т. д. Развитие цифровой экономики, цифрового мира создает иную реальность, в которой все большее место занимают роботы и робототехника. В области гуманитарных

наук наблюдается отход от «тринитарной концепции знака, иерархии, системы, бинаризма и порядка. Универсализм кажется новому духу времени не просто заблуждением» [17].

В условиях тотального развития инновационных процессов, «расчеловечивания» реальности требуется некий путеводитель, который помогал бы совершенствоваться в этом меняющемся, новом для человека

и общества мире, дифференцировать новые идеи, новации на первостепенные, значимые, менее важные и просто «информационный шум». Автором всех изменений всегда был и есть сам человек. Для того чтобы не утонуть в этом многообразном потоке информации, поскольку речь идет о человеке как устройтеле нового мира, необходимо взглянуть на самого человека в определенной системе координат как на часть мира, точнее, как на ступень процесса общей эволюции. Историческая сущность человека состоит в том, что он не рождается человеком культуры, он появляется как часть живой материи и, как любая живая материя, наследует механизмы и способы ее существования. Но в процессе эволюции появляется и такой вид живой материи, как обладающий сознанием человек. Место и роль антропогенного фактора в эволюционном процессе настолько велики, что это влияние имеет планетарные масштабы и меняется сам характер этой эволюции. Она превращается в процесс, управляемый и конструируемый, и человек сам превращается в конструктора и конструкт. Биологическая сущность человека не очень совершенна. Наука идет по пути замены и клонирования человеческих органов. Человек превращается в функции. Как же сохранить человеческое в человеке?

Человек как субъект любых общественных отношений – цель функционирования общественных институтов, а следовательно, точка отсчета в анализе социальных институтов. В процессе своей жизнедеятельности он имеет возможность стать человеком культуры посредством воспитания, образования, просвещения. Человек, реализуя заложенный в нем природный потенциал, осваивает опыт организации пространства, а это и означает присвоение своей истинно человеческой сущности. Такой подход к культуре как прерогативе человека позволяет раскрыть вектор его движения, а значит, всего общества, т. к. отдельный человек – это эскиз человечества.

Вектор этого движения состоит в наращивании разумности человека и осмыслении осознанного движения на пути формирования отношений с миром. Вся жизнь человека – это семиотическое означивание мира.

С этих позиций А. В. Хуторской выделяет такие показатели качественного уровня образования: степень выявления «способностей обучающегося, уровень образовательных приращений по каждому учебному предмету, развитие образовательных компетенций, реализация его индивидуальной образовательной траектории, соответствие образовательных результатов поставленным целям ученика, состав и содержание его портфолио» [16, с. 155]. Тогда образование становится возвращением в человеке человеческих качеств, воспитанием человека культуры, созданием его образа.

Основная проблема, которая стоит перед преподавателями предметов культурологического цикла, заключается в том, что следует создать условия не только для формирования знаний, но и для принятия, проживания, освоения и присвоения текстов культуры. Нарботано большое количество технологий, которые предлагают различные подходы к декодированию и интерпретации текстов. Но, к сожалению, на практике эта работа часто сводится к пересказу биографических сведений об авторе и содержательной линии текста. Предполагается, что для понимания смыслов любого текста культуры, в том числе и притчи, необходимо считать различные уровни текста. К сожалению, «узнаваемость реалий, сюжетность произведения создают ложное впечатление легкой доступности, иногда ложной дешифровки текста, идеи, которую хотел передать художник. Искусство всегда оперирует образами, которые интерпретируют реальность и являются результатом материализации его мировоззрения в слове, композиции, красках, линиях, сюжете» [12, с. 108].

Цель статьи – разработать приемы работы с притчами на практических занятиях

культурологического цикла в педагогическом университете.

Обзор научной литературы по проблеме. Современная духовная культура оказалась растворённой в противоречивом мозаичном контексте культуры, «содержащем различные формы массового и индивидуального досуга и медиакультуры, литературу и искусства, естественные и технические науки, гуманитарные науки, философию, религию и богословие, философию» [5, с. 36]. Д. С. Лихачёв называет русскую культуру несомненно европейской. Ее признаками он считает личностное начало, универсальную восприимчивость к другим культурам и личную свободу, которая пришла из христианства (единственная из религий, в которой Бог – личность). С христианством связана и соборность – проявление склонности к общественному и духовному началам [7]. Вместе с христианской письменностью, с евангельскими текстами в русскую культуру пришла и притча. Притча часто используется с прямой дидактической целью, это такой текст, который необходим для указания пути, ориентирует и направляет человека в жизненном пространстве. В. И. Даль этимологизировал притчу как поучение в примере.

Изучению притчи посвящают труды представители различных гуманитарных наук. Богословы, опираясь на герменевтический подход, разработанный именно для дешифровки религиозных текстов [19; 20], подчеркивают, что Евангелие «разворачивает перед читающим очевидную перспективу погружения в мир нравственной высоты и совершенства. Но в том то и дело, что язык символов ярко свидетельствует об отсутствии в Нем только такого линейно-лобового восприятия» [2, с. 47]. В сознании библейского человека «речь – и не речь вовсе, а самое настоящее действие: нет строгого разграничения живого и его выражения – везде сплошная говорящая действительность» [3, с. 43]. Изучение воспитательного потенциала притчи обы-

чно связано с рассуждениями о наполнении духовным содержанием современного образования. Подчеркивается, что отрыв образования и воспитания от религиозных идей привел к их чрезмерной рационализации: «Современная педагогическая мысль не отгораживается от религии категорически, но строится без неё. Самые лучшие родители редко ощущают религиозную сторону воспитания. Раздвоение, выражающееся в отделении Церкви от школы, коренится именно в идее человека-божества» [6, с. 42].

Филологи особенно скрупулезно изучают происхождение, бытование, функции и разновидности притч. Так, видный филолог и культуролог С. С. Аверинцев отмечает, что с точки зрения содержания притча тяготеет «к глубинной премудрости религиозного или моралистического порядка» [1, с. 305]. Подчеркивается, что притча формирует «символическое сознание христианина и выражает это сознание в литературной форме» [10, с. 82]. Известный литературовед В. И. Тюпа, анализируя компетенцию адресата притчи, называет ее «регулятивной», «то есть требующей истолкования и извлечения для себя из притчи некоего урока» [13, с. 384]. Действующие лица притчи при этом делают «нравственный выбор, следуя некоему вечному нравственному закону, который и составляет премудрость назидания» [13, с. 384]. Таким образом, специфика притчи – это риторика «учительного» слова, разделяющая «...участников коммуникативного события на поучающего и поучаемого» и представляющая собой монолог, «направленный от одного сознания к другому» [14, с. 56]. Кроме того, филологи классифицируют притчи по разным основаниям. Например, «общие – частные притчи; синонимические – антитетические – параболические притчи; притчи в узком смысле слова – параболы – повествования-образцы» [9, с. 9].

Методисты и педагоги начальной, средней, старшей школы и вузов, исходя из об-

шедидактических посылов и опираясь на компетентностный подход в образовании, разрабатывают методический инструментарий для использования их как материала для изучения на предметах культурологического цикла: «Освоение учащимися системы ключевых слов художественных текстов выводит их на возможность духовно-нравственной интерпретации произведений, что позволяет осмыслить не только художественный метод писателя и его мировоззренческую позицию, но и направить творческий потенциал детей на раскрытие нравственных основ жизни» [8, с. 73].

Методология и методы исследования. Работа основывается на использовании методологии социокультурного и деятельностного подхода к психологическому развитию личности, а также системного и целостного подходов в воспитании. При декодировании смыслов притч как текстов культуры предлагается использовать аксиологический, семиотический, когнитивный и системный подходы. Системный культурологический подход, представленный в работах преподавателей кафедры теории, истории культуры и музеологии [4; 18], позволяет создать условия для развития эстетического вкуса, художественного мышления, деятельного освоения универсальных смыслов ключевых текстов культуры, например таких, как притча.

Результаты исследования, обсуждение. Образование транслирует ключевые тексты культуры, в которых время нас не разъединяет, а соединяет. Поскольку этические концепты в нашей обыденной жизни размыты, то их необходимо актуализировать средствами гуманитарных дисциплин. Содержание таких учебных дисциплин, как «История», «Мировая художественная культура», «История культур и цивилизаций», «История религий», «Этика», «Основы религиозных культур и светской этики» и других в педагогическом вузе строится с опорой на библейские источники и обращается к ключевым заповедям как идей-

ным принципам образования. На занятиях по этим дисциплинам приводятся элементы методики толкования евангельских притч, формулируются вопросы дидактического характера в отношении данного учения [15, с. 17]. Существует множество методик восхождения к символическому, семиотическому, поисков смыслов в текстах культуры. Для того чтобы приобщиться не только к предметному и эмоциональному уровню, но и к символическому, метафорическому и гуманистическому, необходимо использовать как собственно тексты, так и их визуализацию в различных текстах культуры.

Так, на примере притч показывается, что откровение Бога в Новом Завете имеет многоуровневый характер. В тексте притч концепты *послание, слово, речь, весть, беседа, притча, проповедь* полисемантически, а участники коммуникации (*Бог – Посланик Бога – Люди*) представлены в нескольких образах.

Притча всегда изречение или история, имеющая двойной смысл. Притча, тем самым, объединяет в себе два противоположных друг другу вида обучения – через живой пример и через слово. Начинаясь как указание на пример, она заканчивается таким выводом, который простирается дальше примера; в тех же случаях, когда, наоборот, начало принадлежит обобщению, она тяготеет к примеру. Относительно сюжетных притч (парабол) справедливо замечено, что в них отсутствует «мораль», или «прямое наставление», а поучение дается в форме иносказания. Но вывод не дан эксплицитно, он может рассматриваться как задание для слушателя притчи. Подобным образом этот вывод был дан в притче о Милосердном самарянине, когда ответ на вопрос «Кто мой ближний?» оказался непрямым и по форме загадочным – «Иди, и ты поступай так же» [11, с. 1620–1621]. Для работы с вербальными текстами предлагаются следующие: «О блудном сыне», «О милосердном самарянине», «О плевелах», «О драгоценной жемчужи-

не», «О неводе», «О немилосердном заимодавце», «О рабочих и виноградице», «О брачном пире», «О двух сыновьях», «О десяти девах», «О талантах», «О овцах и козлах»; «О посевах и всходах», «О ожидании хозяина дома», «О двух должниках», «О безумном богаче», «О благоразумном домоуправителе», «О бесполезной смоковнице», «О потерянной драхме», «О неверном управителе», «О богаче и Лазаре», «О рабах ничего не стоящих», «О неправедном суде», «О мытаре и фарисее», «О десяти минах», «О доме, построенном на камне», «О закваске», «О потерянной овце», «О сеятеле», «О горчичном зерне», «О злых виноградарях», «О смоковнице и всех деревьях» и др.

При работе с текстами сначала предлагается работа со словарями, в частности со словарем В. И. Даля, который является сокровищницей русской национальной, базирующейся в этот период на православии культуры. При аналитике притчи о блудном сыне необходимо выяснить семантику слова *притча* и *блудный*. Затруднение вызывают ответы на вопрос, где он заблудился. Наблюдения за сочетаемостью прилагательного *блудный* в русском языке показывают, что сочетается оно практически только со словом сын, то есть блудный сын становится в русском языке фразеологической единицей, пришедшей из библейских текстов, и маркирует определенную жизненную ситуацию. Акцент ставится и на том, что притча о блудном сыне является универсальным текстом, она универсально ложится на жизнь любого человека. Каждый в шестнадцать, семнадцать лет становится перед выбором: повторить ли жизнь отца и совершить циклический круг движения жизни, либо выбрать свой собственный жизненный путь. Далее выделяются светский и религиозный пласты притчи, ключевые слова, смысловой центр текста и эмоциональная доминанта. В притче о блудном сыне Отец принимает деятельное участие в воспитательном про-

цессе сыновей, не нарушая их свободную волю, давая им возможность самореализации в добровольно выбранных ими сферах жизнедеятельности. Божественное воспитание не имеет ничего общего с идеями современного «свободного воспитания», при котором желания ребенка ставятся во главу угла. Бог-Отец до определенного времени не отпускает детей от себя, Он воспитывает их собственным примером, связью традиций, дает понятие личной ответственности каждого перед Ним за совершенные действия. Проживание этой притчи, чтение текста в разных вариантах (в светском и в библейском), рассматривание великих картин, осмысление происходящего на этих картинах очень важно в присвоении этого сюжета. Одним из эффективных приемов для понимания содержания и выявления большего количества смыслов является выделение ключевых глаголов и воссоздание по ним содержания притчи. Использование именно глаголов способствует переводу языка текста на когнитивно-прагматический уровень, то есть подводит к приложению выявленных смыслов к жизненным ситуациям и применению в жизненной практике.

Язык евангельских символов, звучащий в произведениях светского искусства в описании вполне бытовых семейных или иных проблем человеческих взаимоотношений, способен соединять в человеческом сознании несоединимое, опираясь на чувственное предпочтение молодых людей в их природной пластичности, ищущих прежде всего простоты любви. Этот язык символов, доступный в своей обыденности для сознания молодого человека, можно интегрировать во все сферы человеческих взаимоотношений, так или иначе отраженных искусством.

Для аналитики живописных полотен предлагаются следующие: «Возвращение блудного сына» – панно над исповедальней в базилике Благовещения, в верхней церкви (Назарет), Альбрехт Дюрер «Блуд-

ный сын» (1497), Альбрехт Дюрер «Блудный сын» (1503), Иероним Босх «Блудный сын» (1510), Питер Пауль Рубенс «Притча о блудном сыне» (1612), голландская гравюра «Возвращение блудного сына» (1620), цикл Тараса Шевченко «Притча о блудном сыне» (1856–1857 гг.) (включающий картины «Проигрался в карты», «В кабаке», «В хлеву», «На кладбище», «Среди разбойников», «Кара колодкой», «Кара шпицрутенами», «В тюрьме»), Николай Лосев «Возвращение блудного сына» (1882), Генрих Семирадский «Блудный сын» (1881), Джеймс Тиссо «Современный блудный сын. Жирный теленок» (1882), Марк Шагал «Возвращение блудного сына» (1973), Олег Королёв «Блудный сын» (2005), а также скульптура Огюста Родена «Блудный сын» (1884) и постановка Мариинского театра балета Сергея Прокофьева «Блудный сын».

Рембрандт Харменс ван Рейн материализует, пожалуй, один из самых известных в христианской религии библейский сюжет о блудном сыне, который изложен в Евангелии от Луки. Первая картина Рембрандта, созданная в 1635 г., известна под названием «Блудный сын в Таверне» и является отсылкой к следующему фрагменту текста притчи: «По прошествии немногих дней младший сын, собрав всё, пошел в дальнюю сторону и там расточил имение своё, живя распутно». Существует версия, что на картине изображён сам художник со своей женой, что может навести на мысль о том, что время создания картины совпало с самым счастливым периодом в личной жизни Рембрандта. Следующая картина Рембрандта, созданная приблизительно в 1666–1669 гг., иллюстрирует один из заключительных моментов притчи. Данный фрагмент текста Евангелия от Луки даёт нам представление о различиях между учением Иисуса Христа и учением фарисеев – первый главное своё внимание сосредотачивал на заблудших душах, а вторые фактически отказывали тем, кто согрешил перед Богом, в возможности искупления грехов. В двух рассмотренных

произведениях Рембрандта есть как общее, так и различия. Общим является сюжет. Отличия заключаются в смысловом послании. Если первая картина показывает нам блудного сына, вставшего на путь греха, то вторая – раскаяние младшего сына, осознавшего ошибочность выбранного им ранее жизненного пути. И как потерянная овца из стада, блудный сын вернулся к своему отцу, доставив ему большее счастье, чем послушный и усердный в труде старший сын.

При изучении притчи о милосердном самарянине особое внимание обращается на то, что в мировой художественной культуре к иллюстрированию этой притчи обращались многие художники. В том числе и наш земляк (нам кажется очень важным момент приближения далекого библейского сюжета к обучающимся) В. И. Суриков в свой академический период написал картину на данный сюжет. Здесь обучающиеся работают со словарями, эксплицируя значения и смыслы концептов *милосердие*, *меценатство*, *взаимопомощь* и т. д. Интересным примером преломления литературного сюжета в жизни в биографии Сурикова является тот факт, что Суриков состоялся как художник благодаря меценату П. И. Кузнецову, почетному гражданину Красноярска, крупному золотопромышленнику, который разглядел талант молодого юноши и на свои средства отправил его учиться в Санкт-Петербург. Именно там Суриков учился в академии художеств, а Петр Иванович взял на себя все расходы по содержанию живописца на весь период обучения. В благодарность за всю помощь Суриков подарил Кузнецову свою картину «Милосердный самарянин». Оказывается, что притча, являясь универсальным текстом, множественно отражается в индивидуальных судьбах, в частности в судьбах художников. Если мы говорим о картине Сурикова, то конечно в первую очередь указываем на свет, воздух, это очень сложная проблема для художественного воплоще-

ния. Все художественные приемы подчинены выражению идейного замысла картины – центрального жеста милосердия – для раскрытия сюжета, для создания конкретной обстановки и места, обстоятельств изображаемого события. Эти рассуждения о том, кто есть ближний, как строить свою жизнь, как помогать друг другу в реальной жизни, как сочувствовать, и являются ключевыми смыслами работы с библейскими текстами на занятиях.

При анализе притчи о мытаре и фарисее можно обратиться к иллюстрации к Библии (1865) Поля Гюстава Доре (следует обратить внимание на то, что Иисус и апостолы, проходящие мимо храма, стали случайными свидетелями сцены мольбы фарисея и мытаря) и картине «Мытарь и фарисей» Джеймса Тиссо, который изобразил стоящего перед алтарем фарисея, а позади него – скромного мытаря, который боится поднять глаза. Для сравнения эмоциональных доминант произведений предлагается стихотворение Льва Анненского «В небе ли меркнет звезда».

Внимание обучающихся следует обратить на то, что Брейгель Питер Старший (Мужицкий), осмысляя притчу «О Сеятеле» (1557), сознательно на переднем плане полотна изображает сеятеля, а далее, у дороги, зеленеющие всходы. Он подчеркивает, что труд сеятеля вознаграждается сполна. Важен посыл художника о том, что главным предназначением человека является труд.

Старшекурсникам предлагается осмыслить реплики евангельских притч в истории литературы и истории искусства и сформулировать искусствоведческие выводы. Преподавателями кафедры на материале библейских притч были разработаны задания в формате Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся (Programme for International Student Assessment, PISA), которые анализируют, насколько развиты методы мышления (креативность, критическое мышление,

решение проблем и принятие решений); владеют ли обучающиеся навыками взаимодействия с другими людьми; используют ли такие инструменты для работы, как информационно-коммуникационные технологии, и развита ли информационная грамотность; а также оценивают сформированность жизненно значимых навыков – гражданственности, готовности к выбору карьеры, личной и социальной ответственности. Задания шкалированы по трудности, например, рассмотрите изображение, ознакомьтесь с текстом; к каким эпизодам относятся картины; опишите картину; установите соответствие между текстами и изображениями: к каждому тексту подберите одно изображение; восстановите хронологическую последовательность (эпизодов / создания произведений); выберите три верных утверждения; установите соответствие между произведением искусства и художественной эпохой; назовите эмоцию, которую вызывают у вас приведенные изображения; решите кейс и др.

Заключение. Таким образом, были разработаны и представлены некоторые приемы работы с библейскими притчами в педагогическом вузе. Подчеркнем, что очень важно выстроить связи между библейским текстом, и художественными полотнами и, самое главное, связать это с чувствами молодого человека в современном мире, наполненном технологиями и гаджетами. Нужно попытаться сделать эти ключевые тексты культуры (библейские притчи) более понятными для современных молодых людей, чтобы они адекватно включались в мир и в природу, видели или хотя бы задумывались о наличии иерархических, системных связей в культуре и в природе. В этом случае подобный культурологический, системный подход даст возможность вступить в диалог культур, войти в культуру как в текст, видеть в традиционной культуре не *чужого, чуждого, а другого, друга.*

Библиографический список

1. *Аверинцев С. С.* Притча // Литературный энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 750 с.
2. *Бердников А. Г.* Евангельская символика в современном искусстве на уроках ОПК // Духовно-нравственное и патриотическое воспитание детей / отв. ред. Е. Н. Бородина. – Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного педагогического университета, 2020. – С. 39–54.
3. *Вевюрко И. С.* Притчи Септуагинты как дидактический текст // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. – 2011. – № 6 (38). – С. 30–44.
4. *Видеркер В. В.* Культурологическое образование как социокультурный фактор развития личности // Сибирский педагогический журнал. – 2013. – № 1. – С. 138–142.
5. *Кондаков И. В.* Духовность по ту сторону науки и религии // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2019. – № 2 (88). – С. 30–39.
6. *Кузнецова К. И.* Традиции православной педагогики в научном наследии профессора – протоиерея В. В. Зеньковского // Педагогический форум. – 2019. – № 1 (3). – С. 42–47.
7. *Лихачев Д. С.* Раздумья о России [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lihachev.ru/lihachev/bibliografiya/nauka/kulturologiya/1933/> (дата обращения: 13.02.2021).
8. *Мишин Ю. Д., Аверьянска А. С.* Притча как путь к философской рефлексии в мышлении студентов // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. – 2016. – № 2 (37). – С. 70–75.
9. *Пыжова Е. И.* К вопросу о притче // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2014 г.). – М.: Буки-Веди, 2014. – С. 3–9.
10. *Ромодановская Е. К.* Специфика жанра притчи в древнерусской литературе // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. научных трудов. – Вып. 2. – Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 1998. – С. 73–111.
11. *Саврей В. Я.* Притча в герменевтике сакрального текста (на примере изучения евангельских притчей) // Философия и культура. – 2014. – № 11 (83). – С. 1618–1633. – DOI: 10.7256/1999-2793.2014.11.13142.
12. *Тихомирова Е. Е., Чапля Т. В.* Модели коммуникации: в 2 т. Т. 2: Вербальная коммуникация. – Новосибирск: НГПУ, 2013. – 205 с.
13. *Тюна В. И.* Грани и границы притчи // Традиция и литературный процесс. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1999. – С. 382–386.
14. *Тюна В. И.* Нарративная стратегия притчи в литературной традиции // Притча в русской словесности: от Средневековья к современности: коллективная монография; Ин-т филологии СО РАН. – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2014. – С. 34–78.
15. *Хуторской А. В.* Древнейшие системы обучения: дидактика Христа // Эйдос. – 2014. – № 4. – С. 17.
16. *Хуторской А. В.* Образование,образное человеку: технология выращивания ценностей и целей // Народное образование. – 2014. – № 4 (1437). – С. 153–159.
17. *Цендровский О. Ю.* Культурно-мировоззренческие основания глобального сетевого общества XXI в. [Электронный ресурс] // Человек и культура. – 2015. – № 5. – С. 1–57. – URL: http://e-notabene.ru/ca/article_16316.html (дата обращения: 22.06.2021). DOI: 10.7256/2409-8744.2015.5.16316.
18. *Чапля Т. В.* Язык как средство социализации // Сибирский педагогический журнал. – 2014. – № 2. – С. 9–14.
19. *Dick M. B.* The Ethics of the Old Greek Book of Proverbs // The Studia Philonica Annual. – 1990. – Vol. 2. – P. 20–50.
20. *Westermann C.* The Parables of Jesus in the Light of the Old Testament / trans. by F. W. Golka. – Edinburgh: T&T Clark, 1990. – 211 p.

Поступила в редакцию 24.10.2021

Tikhomirova Elena Evgenievna

Cand. Sci. (Cultur.), Assoc. Prof., Head of the Department of Theory, History of Culture and Museology, Novosibirsk State Pedagogical University, imktikhomirova@mail.ru, ORCID 0000-0003-1656-521X, Novosibirsk

SPECIFIC STUDY OF BIBLICAL PARABLES IN A PEDAGOGICAL UNIVERSITY

Abstract. The author of the article focuses on the analysis of specific methods and techniques for identifying the universal and unique cultural meanings of biblical parables in the study of the disciplines of the humanities cycle in a pedagogical university.

The purpose of the article is to develop techniques for working with parables for practical classes in the cultural cycle at the Pedagogical University.

Research methodology and methods. The work is based on the use of the methodology of the sociocultural and activity-based approach to the psychological development of the individual, as well as systemic and holistic approaches to education. When decoding the meanings of parables as texts of culture, it is proposed to use axiological, semiotic, cognitive and systemic approaches. The systemic culturological approach allows you to create conditions for the development of aesthetic taste, artistic thinking.

Research results. As the scientific literature and the practice of teaching culturological disciplines at the Pedagogical University show, working with parables teaches us to personally and emotionally perceive the text of culture, to adequately assess the relationship in the system man-man and man-world, to recode the content from one semiotic system to another. Through the interpretation of the text, the individual creative abilities of students are developed, a steady interest in modern art practices is formed. Interpretation of the categories of culture, embodied in human and natural images of the transcendental, time, space, make it possible to essentially comprehend the texts of culture containing the plots of biblical parables.

Conclusion. The consistent identification of the specifics of the study of parables in the context of the spiritual quest of a certain historical period contributes to the emergence of interest and the formation of a respectful attitude towards the cultural heritage, the values of world culture. Cultural practices of working with cultural texts contribute to an adequate understanding of the place of national culture in the world artistic process and its creative enhancement.

Keywords: biblical parable, culture, cultural studies, pedagogy, methodology, cultural text, meaning.

References

1. Averintsev, S. S., 1987. Parable. Literary encyclopedic dictionary. Moscow: Sov. encyclopedia, 750 p. (In Russ.)
2. Berdnikov, A. G., 2020. Evangelical symbolism in contemporary art at the lessons of the military industrial complex. Spiritual, moral and patriotic education of children. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University Publ., pp. 39–54. (In Russ.)
3. Vevyurko, I. S., 2011. Proverbs of the Septuagint as a didactic text. Bulletin of the Orthodox St. Tikhon University for the Humanities. Series 1: Theology. Philosophy, no. 6 (38), pp. 30–44. (In Russ., abstract in Eng.)
4. Widerker, V. V., 2013. Cultural education as a socio-cultural factor of personality development. Siberian Pedagogical Journal, no. 1, pp. 138–142. (In Russ., abstract in Eng.)
5. Kondakov, I. V., 2019. Spirituality on the other side of science and religion. Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts, no. 2 (88), pp. 30–39. (In Russ., abstract in Eng.)
6. Kuznetsova, K., I., 2019. Traditions of Orthodox pedagogy in the scientific heritage of Professor – Archpriest V. V. Zenkovsky. Pedagogical Forum, no. 1 (3), pp. 42–47. (In Russ., abstract in Eng.)

abstract in Eng.)

7. Likhachev, D. S., 2021. Reflections on Russia [online]. Available at: <http://www.lihachev.ru/lihachev/bibliografiya/nauka/kulturologiya/1933/> (accessed 13.02.2021). (In Russ.)

8. Mishin, Yu. D., Averyaskina, A. S., 2016. Parable as a path to philosophical reflection in the thinking of students. Bulletin of the Siberian State University of Communications, no. 2 (37), pp. 70–75. (In Russ., abstract in Eng.)

9. Pyzhova, E. I., 2014. To the question of the parable. Philology and linguistics in modern society: materials of the III Intern. scientific. conf. (Moscow, November 2014). Moscow: Buki-Vedi Publ., pp. 3–9. (In Russ.)

10. Romodanovskaya, E. K., 1998. Specificity of the genre of parables in ancient Russian literature // Gospel text in Russian literature of the 18th–20th centuries: quotation, reminiscence, motive, plot, genre: Sat. scientific papers, 2. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publ., pp. 73–111. (In Russ.)

11. Savrey, V. Ya., 2014. Parable in the hermeneutics of the sacred text (on the example of studying the Gospel parables). Philosophy and Culture, no. 11 (83), pp. 1618–1633. DOI: 10.7256 / 1999-2793.2014.11.13142. (In Russ., abstract in Eng.)

12. Tikhomirova, E. E., Chaplya, T. V., 2013. Models of communication, vol. 2. Verbal communication. Novosibirsk: NSTU Publ., 205 p. (In Russ.)

13. Tyupa, V. I., 1999. Facets and boundaries

of the parable. Tradition and literary process. Novosibirsk: Publishing House of the SB RAS Publ., pp. 382–386. (In Russ.)

14. Tyupa, V. I., 2014. Narrative strategy of a parable in the literary tradition. Parable in Russian literature: from the Middle Ages to the present: a collective monograph; Institute of Philology SB RAS. Novosibirsk: NSU Publ., pp. 34–78. (In Russ.)

15. Khutorskoy, A. V., 2014. The most ancient systems of teaching: didactics of Christ. Eidos, no. 4, p. 17. (In Russ., abstract in Eng.)

16. Khutorskoy, A. V., 2014. Education consistent with man: the technology of cultivating values and goals. Public education, no. 4 (1437), pp. 153–159. (In Russ., abstract in Eng.)

17. Tsendrovsky, O. Yu., 2015. Cultural and ideological foundations of the global network society of the XXI century. Man and culture, no. 5, pp. 1–57 [online]. Available at: http://e-notabene.ru/ca/article_16316.html (accessed 22.07.2021). DOI: 10.7256 / 2409-8744.2015.5.16316. (In Russ., abstract in Eng.)

18. Chaplya, T. V., 2014. Language as a means of socialization. Siberian pedagogical journal, no. 2, pp. 9–14. (In Russ., abstract in Eng.)

19. Dick, M. B., 1990. The Ethics of the Old Greek Book of Proverbs. The Studia Philonica Annual, vol. 2, pp. 20–50. (In Eng.)

20. Westermann, C., 1990. The Parables of Jesus in the Light of the Old Testament. Edinburgh: T&T Clark Publ., 211 p. (In Eng.)

Submitted 24.10.2021

Для цитирования: Тихомирова Е. Е. Специфика изучения библейских притч в педагогическом вузе // Сибирский педагогический журнал. – 2021. – № 6. – С. 135–144.